

ВЕДЬМА

Артур Шанс

ВЕДЬМА

«Автор»
2026

Шанс А.

ВЕДЬМА / А. Шанс — «Автор», 2026

Зимой 1996 года Андрей привозит жену и двоих детей в старый дом у лесной просеки. Но дом хранит то, о чём его мать предпочитала молчать: исчезновение девочки Лиды, запертую дверь и обещание, данное много лет назад. Ночью в окнах появляются чужие отражения, из печи доносятся знакомые голоса, а за деревьями ждёт женщина, которую в деревне называют ведьмой. Чтобы спасти семью, Андрею придётся вспомнить, кого он вывел из сарая в детстве — и кто остался по ту сторону. А главное — понять, можно ли доверять собственной памяти, когда дом умеет говорить голосами любимых людей.

© Шанс А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Дом на просеке 6
Глава вторая. Ничьи следы 9
Глава третья. Пустое место 12
Глава четвёртая. Девочка на лестнице 15
Глава пятая. Красный шов 17
Глава шестая. По ту сторону белой двери 19
Глава седьмая. Под снегом не вода 21
Глава восьмая. То, что осталось в земле 24
Глава девятая. Чужая колыбельная 27
Глава десятая. Колокольчик без голоса 30
Глава одиннадцатая. Не отвечай 32
Глава двенадцатая. Имя под полом 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Артур Шанс
ВЕДЬМА

ВЕДЬМА
Роман · фольк-хоррор

Глава первая. Дом на просеке

Первым дом увидел Миша. Он сидел на заднем сиденье, прижавшись лбом к холодному стеклу, и уже полчаса не задавал вопросов. Это было необычно. За всю дорогу от станции мальчик успел спросить, бывают ли в лесу волки, почему снег на обочине серый и сколько ещё раз им придётся останавливаться, чтобы отец протёр фары.

— Там свет, — сказал он.

Андрей отпустил газ. Машину повело в рыхлой колее, и Марина схватилась за ручку над дверью.

— Где?

— В доме. На самом верху.

Между деревьями действительно показалась крыша. Сначала только треугольник, покрытый толстым снегом, затем чёрная труба и весь дом — большой, приземистый, с двумя узкими окнами под карнизом. Внизу темнела пристройка, похожая на сарай. Никакого света Марина не заметила.

— Тебе показалось, — сказал Андрей.

— Нет. Там кто-то стоял.

Соня, сидевшая рядом с братом, даже не подняла головы от книги. За последние два дня она почти не разговаривала с родителями. Переезд посреди учебного года казался ей наказанием, а объяснения отца — ложью, которую взрослые повторяют, пока сами не начинают в неё верить.

Андрей остановил машину перед занесёнными воротами. Дальше дороги не было. За спиной, между соснами, уже исчезал последний поворот. До ближайшей деревни оставалось сорок километров; Андрей произнёс это утром с таким видом, будто расстояние было преимуществом.

— Приехали, — сказал он.

Никто не ответил.

Дом достался Андрею после смерти матери. В документах значилось: жилое строение, участок, хозяйственные постройки. Марина видела фотографии, сделанные летом, и помнила заросшую травой веранду, светлые наличники, яблоню у забора. Теперь яблоня походила на руку, вылезшую из сугроба, а наличники были почти чёрными. Весь дом казался не заброшенным, а настороженным.

Они выгрузили сумки. Мороз сразу забрался под воротник, защипал кожу за ушами. Андрей возился с замком, который не желал поворачиваться. Марина держала Мишу за рукав. Соня стояла у машины и смотрела в лес.

— Мам, — тихо сказала она, — а почему здесь нет птиц?

Марина прислушалась. Где-то потрескивали деревья. Ветер тянул по дороге сухую снежную пыль. Больше ничего.

— Зимой они тоже молчат, — ответила она, хотя сама не была уверена.

Наконец дверь подалась. Из темноты пахнуло остывшей печью, старой тканью и чем-то сладковатым, похожим на сушёные яблоки. Андрей вошёл первым и щёлкнул выключателем. Свет не загорелся.

— Генератор в сарае. Сейчас запущу. Пока не разувайтесь.

В прихожей висело мутное зеркало. Под ним стоял сундук с железными уголками, а над дверью, ведущей в дом, были прибиты три маленьких пучка высохшей травы. Марина коснулась одного: листья рассыпались в пыль.

— Мать любила всякие приметы, — сказал Андрей, заметив её взгляд.

Он произнёс это слишком быстро.

В большой комнате находились печь, длинный стол и шкаф со стеклянными дверцами. На стене висели часы без маятника. Стрелки показывали семнадцать минут четвёртого. Рядом с печью стояла детская табуретка, хотя Андрей уверял, что много лет здесь никто не жил.

— Это твоя? — спросил Миша.

— Не помню.

— А я бы помнил.

Андрей не ответил. Он взял фонарь и вышел к генератору. Дверь за ним закрылась, и дом сразу сделался заметно тише.

Марина нашла на кухне спички. Плита была дровяная; возле неё лежала аккуратная поленница. В шкафу обнаружились тарелки, соль и жестяная коробка с чаем. Всё было приготовлено так, словно хозяйка только что вышла и должна вернуться к ужину.

— Можно я выберу комнату? — спросила Соня.

— Подожди папу.

— Я не маленькая.

Она поднялась по лестнице, ступени ответили сухим скрипом. Марина хотела окликнуть дочь, но услышала, как на улице заработал двигатель. Через мгновение лампа под потолком мигнула и зажглась жёлтым светом.

На втором этаже было три двери. Соня открыла первую: спальня с узкой кроватью и шкафом. За второй обнаружилась комната побольше, с двумя окнами на лес. Третья дверь находилась в самом конце коридора. Её выкрасили в белый цвет, который со временем пожелтел. На уровне детских плеч виднелись царапины.

Соня нажала на ручку. Заперто.

— Мам! — крикнула она. — Тут ещё одна комната!

Марина поднялась, держа Мишу за руку. Он шёл медленно, рассматривая потолок.

— Не трогай пока, — сказала она, увидев замок.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что там.

Миша подошёл ближе. Его лицо вдруг стало серьёзным.

— Там холодно, — сказал он.

— Везде холодно. Печь ещё не протопили.

— Нет. Ей холодно.

Марина посмотрела на сына. Мальчик не сводил глаз с нижней щели двери.

— Кому?

Он пожал плечами, будто вопрос был глупым.

Вечером они ели гречку с тушёнкой. Андрей растопил печь, и по комнатам медленно поползло тепло. За окнами сгущалась темнота, густая и ровная, как краска. Марина заметила, что муж старательно не смотрит в сторону лестницы.

— Что за запертая комната наверху? — спросила она.

Ложка Андрея застыла над тарелкой.

— Кладовка.

— Соня говорит, на двери царапины.

— Дому сто лет. Здесь всё в царапинах.

— Ключ есть?

— Должен быть. Поищу завтра.

Соня подняла глаза.

— А почему бабушка никогда нас сюда не приглашала?

— Потому что она была больна, — сказал Андрей.

— Она была больна только последние два года. А раньше?

— Соня, хватит.

Дочь отодвинула тарелку. Марина уже собиралась вмешаться, но в этот момент раздался стук.

Три коротких удара. Будто кто-то костяшками пальцев постучал по стеклу.

Все повернулись к окну. За ним была одна темнота.

— Ветка, — сказал Андрей.

Стук повторился. На этот раз сверху.

Андрей медленно встал и подошёл к окну. В жёлтом отражении лампы Марина увидела его лицо: губы сжаты, взгляд неподвижен. Он раздвинул занавески. За стеклом тянулся заснеженный двор, за двором — деревья.

— Ничего, — произнёс он.

Но ночью Марина проснулась оттого, что рядом не было мужа. Печь почти прогорела. Часы внизу не тикали, однако ей показалось, будто кто-то размеренно отсчитывает секунды.

Она встала, накинула свитер и вышла в коридор. Под дверью комнаты Сони горела полоска света. Из детской Миши доносилось ровное дыхание. А внизу, возле входной двери, стоял Андрей — босиком, в майке, держа в руке кухонный нож.

— Что случилось? — прошептала Марина.

Он приложил палец к губам.

Снаружи кто-то ходил по крыльцу. Доски скрипели под медленными шагами. Затем шаги остановились, и Марина услышала женский голос — низкий, хриплый, но удивительно ласковый:

— Андрюша. Открой. Я замёрзла.

Голос принадлежал его матери.

Марина знала это точно: она слышала его на похоронах, когда в церкви включили запись старого семейного видео. Тот же глуховатый выговор, та же привычка растягивать последний слог.

— Она умерла, — прошептала Марина.

Андрей не обернулся.

За дверью тихо засмеялись.

— Я знаю, — сказала женщина. — Ты же сам меня закопал.

Шаги удалились. Несколько секунд спустя раздался новый звук: что-то тяжёлое, мягкое протащили вдоль стены дома. Андрей стоял неподвижно, пока звук не исчез.

Утром на снегу обнаружились следы. Босые, узкие, с неправдоподобно длинными пальцами. Они выходили из леса, обходили дом и заканчивались у каждого окна. Ни одной цепочки обратно не было.

Марина обошла крыльцо и подняла голову. На стекле их спальни, в шести метрах над землёй, белел отпечаток ладони.

Пальцы были направлены вниз, будто кто-то висел снаружи, прижавшись к стеклу лицом.

— Это не человек, — сказала она.

Андрей смотрел не на след, а на лес.

— Не говори детям, — ответил он.

И тогда Марина поняла: муж не удивлён. Он ждал этого. Возможно, с самого дня, когда предложил переехать.

Глава вторая. Ничьи следы

К полудню ветер засыпал следы до щиколотки. Марина успела сфотографировать их на старую «Смену», которую Соня взяла из городского шкафа. Она не знала, получится ли что-нибудь на плёнке: серое небо и белая земля сливались, а длинные отпечатки казались в видоискателе обыкновенными провалами в снегу.

— Не трать кадры, — сказал Андрей.

Он стоял на крыльце с лопатой. Под глазами у него легли тени, словно он не спал неделю.

— Тогда объясни, что это было.

— Не при детях.

Марина обернулась. Соня наблюдала за ними из окна кухни, даже не пытаясь скрыться. Миша рядом с ней водил пальцем по запотевшему стеклу. Когда он убрал руку, на стекле осталась неровная окружность с точкой внутри.

— Ты сам привёз нас сюда, — сказала Марина. — Ты говорил, что здесь спокойно.

— Я думал, у нас будет время.

— Время для чего?

Андрей не ответил. Он ударил лопатой по ступени, сбивая лёд, и Марина впервые за годы брака испугалась не того, что ждало их за деревьями, а того, сколько её муж знал и скрывал.

В доме пахло горячей кашей и сырыми досками. Генератор работал с перебоями: лампочка над столом то разгоралась, то становилась тусклой, как свеча. Соня сидела перед радиоприёмником, вращая ручку настройки. Из динамика шёл один треск.

— Папа, а здесь вообще кто-нибудь живёт? — спросила она.

— В сорока километрах деревня.

— Это не ответ.

— Сейчас не время спорить.

— А когда будет? Когда кто-то опять постучит в окно?

Андрей выключил радио. Соня отдёрнула руку.

— Мне нужно проверить топливо, — сказал он Марине. — Потом поговорим.

Миша поднял голову от рисунка. На бумаге он изобразил дом, лес и высокую фигуру между стволами. У фигуры были очень длинные руки, почти касавшиеся земли.

— Кто это? — спросила Марина.

— Та, что не умеет уходить, — сказал мальчик.

— Ты её видел?

— Нет. Она мне рассказала.

Соня хмыкнула, но Марина заметила, что дочь отодвинулась от брата.

— Когда рассказала?

— Ночью. Через стенку.

Марина взяла рисунок. Фигура стояла не перед домом, а позади него. В окне второго этажа Миша нарисовал маленькую чёрную голову.

— А это кто?

— Тот, кто ждёт, когда откроют.

На улице заглох генератор. Свет исчез, и из глубины дома донёсся негромкий удар. Затем ещё один. Звук шёл сверху, со стороны запертой комнаты.

Соня встала первой.

— Там кто-то есть.

— Сядь, — сказала Марина.

Удар повторился. Теперь они услышали, как по деревянной двери медленно проводят чем-то твёрдым. Сначала сверху вниз, потом обратно. Марина поднялась на второй этаж, велев

детям оставаться в кухне. На последней ступеньке её встретил запах мокрой шерсти. Коридор был пуст.

Она подошла к белой двери. На уровне её колен проступала узкая тёмная полоса, которой вчера не было. Марина наклонилась и увидела, что это вода. Капли просачивались из-под двери и собирались на досках.

Она коснулась лужицы. Вода оказалась ледяной, с мелкими кристалликами снега.

Из-за двери кто-то очень тихо вздохнул.

— Кто здесь? — спросила Марина.

Ответа не последовало. Зато внизу вскрикнула Соня.

Марина бросилась к лестнице. Миша стоял у кухонного окна и улыбался кому-то за стеклом. Соня тянула его за плечо, но мальчик упирался.

— Она просила не шуметь, — сказал он.

Марина подбежала и задвинула занавеску. За стеклом мелькнула тёмная полоса, похожая на край длинного пальто. Когда она решилась выглянуть снова, двор был пуст. Только на снегу, у самого окна, лежала свежая еловая ветка. С неё ещё осыпалась хвоя.

Андрей вернулся через десять минут. Он принёс канистру и тяжёлый мешок, который не дал Марине рассмотреть. Услышав о воде под дверью, он побледнел.

— Туда никто не подходил?

— Я подходила.

— Дверь не открывала?

— Она заперта, Андрей.

Он поставил мешок на пол и медленно выдохнул.

— Хорошо.

— Что хорошего? Что у нас в доме кто-то сидит за запертой дверью?

— Там никого нет.

— Тогда почему ты боишься, что мы её откроем?

Андрей провёл ладонью по лицу.

— Потому что моя мать всю жизнь говорила: пока эта дверь закрыта, нас здесь не найдут.

— Кто не найдёт?

Он посмотрел на рисунок Миши, лежавший на столе. Впервые за день его голос стал совсем тихим.

— Та, которая считает детей.

К вечеру ветер усилился. Андрей заставил всех перенести постели вниз, в большую комнату, поближе к печи. Соня возмущалась, но когда за окнами стемнело, сама придвинула матрас к материнскому.

Они ужинали молча. Миша не притронулся к супу. Он слушал, как потрескивают поленья, и время от времени смотрел в угол, где висели остановившиеся часы.

— Почему стрелки не двигаются? — спросил он.

— Сломались, — ответила Марина.

— Нет. Они ждут.

В десять Андрей погасил верхний свет. Он оставил гореть настольную лампу, поставил у двери топор и сел на стул так, чтобы видеть и окна, и лестницу.

Марина долго лежала с открытыми глазами. Потом ей показалось, что кто-то зовёт её по имени. Голос был похож на Сонин, но доносился сверху.

— Мам. Мам, иди сюда.

Она повернула голову. Соня спала рядом, уткнувшись носом в край одеяла.

— Мам, — снова позвали с лестницы. — Я не могу выйти.

Андрей поднял руку, не глядя на жену. Его пальцы дрожали.

— Не отвечай, — прошептал он.

Голос наверху умолк. Несколько секунд слышалось только дыхание спящих детей. Затем с верхней площадки донеслись три коротких удара.

И четвёртый — уже изнутри стены у изголовья Миши.

Глава третья. Пустое место

Утром Миша сказал, что ему снилась бабушка, хотя живую бабушку он почти не помнил. Она сидела на табуретке у печи, вязала из чёрной нитки длинную верёвку и всё спрашивала, сколько в доме людей.

— Я сказал, что нас четверо, — объяснил мальчик.

— Правильно, — ответила Марина.

— А она сказала: «Пока четверо».

Андрей отложил кружку. Он попросил Соню сходить с братом в кухню и найти сухари в верхнем шкафу. Соня сразу поняла, что её высылают, но на этот раз не спорила.

Когда дети ушли, Марина села напротив мужа.

— Я больше не стану слушать про приметы. Что здесь случилось?

— Я не всё помню.

— Удобно.

— Это правда. Мне было шесть, когда мать увезла меня отсюда. После этого она запрещала даже произносить название деревни. Я помню снег, коридор наверху и то, что однажды проснулся не в своей кровати.

— Где?

— В лесу. Мать нашла меня возле старого колодца. Я стоял босиком и держал в руке чужую варежку.

— Чью?

— Не знаю. Всякий раз, когда я спрашивал, она начинала плакать.

Марина хотела сказать, что именно поэтому не следовало привозить сюда детей. Но Андрей уже смотрел на дверь, будто за ней кто-то стоял.

— Перед смертью мать прислала письмо. В нём было написано, что если дом оставить пустым ещё на одну зиму, беда придёт за нами в город. Я решил, что это старческий бред. Потом Соня начала говорить во сне.

— Соня всегда разговаривала во сне.

— Не так. Она повторяла одно и то же: «В доме осталось пустое место». Теми же словами, что были в письме.

— И ты решил привести нас сюда, ничего не объяснив?

— Я хотел увидеть дом при свете дня. Забрать бумаги. Уехать до ночи.

— Но мы приехали под вечер.

— Дорогу перемело. Я не рассчитывал.

Марина встала. Она знала мужа как человека, который всегда находил объяснение неудачам. Сейчас объяснения были слишком гладкими, и это пугало её не меньше ночных голосов.

— Покажи письмо.

Андрей достал из внутреннего кармана куртки сложенный вчетверо лист. Бумага потемнела по сгибам. Почерк был крупный, неровный. Марина прочитала: «Не оставляй дом пустым. Не открывай белую дверь. Если услышишь мой голос, не верь ему. И не считай детей вслух».

Ни даты, ни подписи на листе не было.

— Почему ты не показал это раньше?

— Потому что ты бы не поехала.

Марина посмотрела на него так, что он опустил глаза.

Снаружи послышался крик Сони. Она стояла на крыльце, в одном свитере, и указывала на лес. Между двумя елями, за линией забора, виднелось что-то чёрное. Марина сначала приняла это за обгоревший пень. Потом предмет качнулся.

Там висело платье. Длинное, мокрое, с узкими рукавами, привязанное к ветке за ворот. Под ним снег оставался нетронутым.

— Вчера его не было, — сказала Соня.

Андрей схватил её за локоть и втолкнул в дом.

— Никому не выходить.

— Это просто одежда!

— Я сказал, не выходить.

Он взял топор и пошёл к забору. Марина наблюдала через окно. Чем ближе Андрей подходил к деревьям, тем заметнее становилось, что платье не висит на ветке. Его подол шевелился против ветра, словно под тканью кто-то переступал с ноги на ногу.

Андрей остановился. Платье медленно повернулось к нему передом. Там, где должна была быть шея, показался пучок седых волос.

Марина закричала, но звук застрял в горле. Муж пятился к дому, не сводя глаз с леса. Когда он наконец добежал до крыльца, за деревьями уже ничего не было.

В прихожей Андрей уронил топор. На его ладони выступила кровь: он так сильно сжимал рукоять, что содрал кожу.

— Что ты видел? — спросила Марина.

— Не знаю.

— Ты видел её лицо?

— Лица не было.

Миша выглянул из кухни.

— Она не любит, когда на неё смотрят, — сообщил он.

Андрей присел перед сыном.

— Откуда ты это знаешь?

— Она сама сказала.

— Когда?

— Сейчас. Пока ты ходил к ней.

— Где она была?

Миша указал пальцем на потолок.

Сверху раздался лёгкий скрип. По лестнице медленно покатилась деревянная катушка с чёрной ниткой. Она ударилась о последнюю ступеньку и остановилась у ног Андрея.

Мальчик улыбнулся, будто получил обещанный подарок.

— Бабушка закончила вязать, — сказал он.

Андрей поднял катушку двумя пальцами. На чёрной нити виднелись белые узелки. Он пересчитал их беззвучно — и на четвёртом закрыл глаза.

— Что это? — спросила Марина.

— Не трогай.

Он положил катушку в железную коробку из-под чая и захлопнул крышку. Но изнутри немедленно раздался тонкий стук, будто кто-то ногтем проверял металл.

В ту ночь Марина решила не спать. Она сидела у печи и смотрела, как огонь выедает поленья. Андрей дремал на стуле. Дети лежали рядом. Часы по-прежнему показывали семнадцать минут четвёртого.

В какой-то момент Марина услышала, как из коробки на кухонном столе разматывается нить. Не шорох, не треск — ровный, терпеливый звук, словно маленькое колесо крутилось внутри железа.

Она подошла и подняла крышку.

Катушки не было. На дне лежали четыре молочных зуба, чистых и влажных. Один был перевязан чёрной ниткой.

Позади неё кто-то произнёс голосом Сони:

— Мама, а почему у нас в доме пятеро?

Марина обернулась. Дочь спала возле печи.

А на лестнице, в темноте, стояла девочка в белой ночной рубашке, с лицом, скрытым мокрыми волосами.

Глава четвёртая. Девочка на лестнице

Марина не закричала. Позже она не могла объяснить почему. Может быть, потому, что девочка была слишком маленькой для того ужаса, который принесла с собой. Мокрые волосы прилипли к белой ткани на плечах; босые ступни оставляли на ступенях тёмные пятна. Девочка стояла неподвижно и смотрела вниз сквозь пряди.

— Андрей, — сказала Марина так тихо, что сама едва услышала свой голос.

Муж открыл глаза. В ту же секунду девочка сделала шаг. Не вниз, к ним, а назад, туда, где лестница упиралась в стену. Доски скрипнули. Марина моргнула — и на площадке никого не оказалось.

Андрей вскочил, ударившись коленом о стол.

— Ты её видела?

— Девочку. В мокрой рубашке. Она была здесь.

Он не спросил, какую именно девочку. Это было хуже любого признания.

Соня пошевелилась на матрасе. Миша спал, вытянув руку в сторону пустого места возле себя. Марина подошла к нему, поправила одеяло и обнаружила на ладони сына тонкую чёрную нитку. Она не была привязана: просто лежала в складке кожи, словно мальчик только что отпустил её.

— Откуда ты знаешь про девочку? — спросила Марина.

Андрей взял железную коробку, посмотрел на зубы и быстро закрыл крышку.

— Не знаю, кто это.

— Ты даже не удивился.

— Я помню рубашку, — выговорил он. — Белую, с вышивкой на вороте. Мать стирала такую в корыте. Но я не помню, кто её носил.

Марина почувствовала, как в груди поднимается злость. Злость была удобнее страха: с ней можно было что-то делать.

— Утром мы уезжаем. Пешком, если машина не заведётся.

— С детьми сорок километров по лесной дороге?

— Значит, ты заведёшь машину.

Он не ответил. Марина забрала коробку и поставила на дальний край печи, где было тепло. Снова подняла крышку. Зубы остались на месте, но теперь их было три.

Она закрыла коробку, не говоря ни слова.

Утром снег шёл почти горизонтально. За ночь замело колёса до ступиц, а тропинка от крыльца исчезла. Андрей вышел к сараю за лопатой. Марина смотрела из окна, как он пробивает путь, проваливаясь по колено. У сарая он вдруг остановился и долго разглядывал снег перед дверью.

— Что там? — крикнула она через форточку.

Андрей не ответил. Он развернулся и вернулся в дом, не взяв лопаты.

— Дверь сарая открыта, — сказал он. — А я её вчера запирал.

— Может, ветер.

— На засов изнутри?

Марина хотела возразить, но заметила, что у него на рукаве висит маленькая белая пуговица, зацепившаяся за шерсть. Андрей снял её двумя пальцами. На пуговице была выцарапана буква «А».

В кухне Соня рассматривала фотографии, найденные в ящике буфета. Большинство снимков были выцветшими: незнакомые женщины у крыльца, лошадь перед поленницей, дети в одинаковых валенках. На одном мальчик лет шести стоял возле колодца. Лицо его было смазано, будто он повернулся в момент съёмки.

— Это ты? — спросила Соня отца.

Андрей посмотрел на снимок. У мальчика в руке была варежка — тёмная, слишком маленькая для него.

— Наверное, — сказал он.

Соня перевернула фотографию. На обороте карандашом было написано: «Андрюша. Последняя зима». Ни года, ни фамилии.

— Что значит последняя? — спросила дочь.

— Не знаю.

Соня подняла глаза.

— Ты всё время говоришь, что не знаешь. А мы из-за этого сидим здесь.

Андрей потянулся к снимку, но Соня убрала его в карман. Марина впервые не остановила дочь.

После обеда они пытались запустить машину. Стартер щёлкал, двигатель не схватывал. Андрей проверил провода, потом аккумулятор, затем долго сидел за рулём, не двигаясь. Марина стояла рядом, закутавшись в платок, и наблюдала за линией леса. Среди елей ничего не шевелилось. Именно это и пугало: снег падал на ветви, а ветви не качались.

Когда они вернулись, Соня сообщила, что Миша исчез. Она оставила брата на кухне всего на минуту, чтобы принести одеяло. Теперь его не было ни у печи, ни в спальне, ни под столом.

Марина бросилась наверх. Белая дверь оставалась запертой. Из-под неё тянулась мокрая полоска, а на полу лежала детская варежка. Та самая, что была на фотографии: тёмная, с красным швом по большому пальцу.

— Миша! — крикнула Марина.

Из-за двери раздалось осторожное шуршание.

— Мама, — ответил сын. — Здесь кто-то плачет.

Марина схватилась за ручку. Замок был холодным, как железо на морозе. Андрей подбежал и оттолкнул её руку.

— Не открывай.

— Там наш сын!

Снизу послышался топот. Миша выбежал из кухни с куском хлеба в руке.

— Мам, ты чего кричишь?

За белой дверью снова прозвучало:

— Мама, здесь холодно.

Голос был точь-в-точь Мишин. Даже привычная лёгкая шепелявость совпадала. Марина отступила от двери, обхватила настоящего сына за плечи и впервые поняла, почему в письме запрещалось считать детей вслух.

Кто-то за дверью умел отвечать вместо них.

Глава пятая. Красный шов

Вечером Андрей забил клин под белую дверь. Он работал молча, не глядя на Марину. Когда закончил, положил на пол у порога полоску соли из кухонной банки. Соня наблюдала из-за перил.

— Ты же говорил, что это старые суеверия.

— Говорил.

— И что теперь?

— Теперь делаю то, что могу.

Марина не стала спорить при детях. Она увела их вниз, усадила за стол и велела каждому написать на листке всё, что он видел за последние дни. Соня сначала фыркнула, но взяла карандаш. Миша нарисовал четыре круга и один маленький, в стороне.

— Почему этот отдельно? — спросила Марина.

— Он ещё не решил, с кем будет жить.

— Кто?

Миша пожал плечами.

Соня положила перед матерью исписанный лист. Там были даты, приблизительное время и короткие фразы: «голос сверху», «мокрая вода», «платье в лесу», «девочка». Последнего слова Марина дочери не говорила.

— Ты её тоже видела?

Соня кивнула.

— Не сегодня. В первую ночь. Я проснулась, а она сидела на последней ступеньке. Я решила, что сплю. Она показала мне палец — вот так.

Соня прижала указательный палец к губам.

— А потом?

— Потом я закрыла глаза. Когда открыла, её не было. Только пахло прудом. Или старым ведром.

Марина сложила лист и убрала в карман. Ей хотелось иметь хотя бы что-то, что можно перечитать утром и убедиться: она не сошла с ума.

Андрей спустился, неся найденную варежку. На красном шве виднелась застарелая бурая полоска.

— Это моя, — сказал он. — Помню, как мать зашивала палец. Я тогда потерял вторую.

— Ты говорил, что нашёл в лесу чужую варежку, — напомнила Марина.

Он посмотрел на неё так, будто она произнесла слово, которого в доме нельзя было говорить.

— Я так помнил.

— А теперь?

— Теперь не уверен, что был там один.

Ночью ветер усилился до воя. Дым из печи стал идти в комнату, и Андрей поднялся проверить заслонку. Из трубы доносился странный звук: кто-то медленно втягивал воздух, будто дышал через узкую щель. Затем из дымохода выпал маленький свёрток, обмотанный промасленной тряпкой. Он ударился о железную плиту и скатился в золу.

Андрей поддел его кочергой. Внутри оказалась жестяная коробочка с двумя детскими пуговицами и сложенной запиской. Бумага сохранилась плохо; края почернели, но несколько строк читались.

«Кто назван, тот услышит. Кто ответил, того найдут. Не позволяй ему вспомнить колодец до оттепели».

Под текстом стояла буква «Н».

— Это почерк твоей матери? — спросила Марина.

— Нет. Мать писала иначе.

Он не решился прикоснуться к записке. Марина осторожно расправила её на столе. На обороте была нарисована схема: дом, сарай, дорога и круг в лесу. Рядом с кругом стоял крестик. По краю листа, почти стёртые, шли слова: «Под снегом не вода».

— Колодец, — сказала Марина.

Андрей резко поднял голову.

— Не ходи туда.

— Я и не собираюсь ночью. Но завтра мы должны узнать, что там.

— Завтра попробуем выехать.

— Ты сам видел машину. Она не заведётся без ремонта. А пока мы не понимаем, что происходит, оно будет приходить снова.

Андрей хотел возразить, но из кухни донёсся звук, похожий на короткий детский смех. Все четверо находились в комнате.

Они замолчали. Смех повторился, теперь за стеной, возле окна. Потом послышались осторожные шаги по снегу. Кто-то обошёл дом, задерживаясь у каждого окна, и остановился у входной двери.

Три удара.

Андрей поднял топор. Марина прижала к себе Мишу. Соня смотрела на дверь не моргая.

Снаружи заговорила женщина. Голос был старческий, хриплый, но слова звучали отчётливо:

— Андрюша, ты не виноват. Ты тогда не знал.

Андрей побледнел.

— Не отвечай, — сказала Марина.

Женщина за дверью тяжело вздохнула.

— Ты ведь помнишь, чей был красный шов.

Миша заёрзал в материнских руках.

— Это не бабушка, — прошептал он.

— Откуда знаешь?

— Бабушка внутри. А эта пришла за тем, кто внутри.

В дверь больше не стучали. Вместо этого что-то длинное и тяжёлое провели по наружной стене. Доски застонали. Звук поднялся выше окна, выше карниза, и оборвался на крыше.

Соня вдруг показала на лист со схемой. На месте нарисованного колодца выступила мокрая точка. Бумага темнела изнутри, будто под ней лежала капля. Точка росла, пока не закрыла крестик.

Из-под потолка упала вода. Одна капля, потом вторая. Марина подняла голову. На потолочных досках проступал след маленькой босой ступни.

Потом рядом возник второй.

Следы пошли к лестнице, хотя наверху никто не ходил.

Андрей медленно положил топор на стол.

— Я вспомнил, — сказал он. — У колодца была не одна варежка.

Он смотрел на красный шов в своей ладони.

— Там была рука. Кто-то держал меня за руку из-под снега.

В ту же секунду наверху скрипнула белая дверь. Клин, который Андрей вбил под неё, выскочил и застучал по ступеням. Все услышали, как поворачивается ключ в замке.

Но ключа у них не было.

Глава шестая. По ту сторону белой двери

Замок щёлкнул ещё раз, уже тише. Марина услышала, как наверху скребёт по доскам выскочивший клин, и почему-то подумала не о том, что дверь открылась, а о том, кто сумел повернуть ключ с другой стороны.

— Все ко мне, — сказала она.

Соня взяла Мишу за руку. Андрей поднял топор, но не двинулся с места. Вода перестала капать с потолка. В доме стало так тихо, что слышно было, как под печной дверцей осыпается уголь.

Наверху прошуршала ткань. Затем раздались три осторожных шага.

— Я посмотрю, — сказал Андрей.

— Один ты туда не пойдёшь.

Марина взяла фонарь. Батарейки в нём садились, круг света был желтоватым, узким. Она велела детям оставаться у печи и, прежде чем Соня успела возразить, добавила: — Если услышите мой голос сверху, не поднимайтесь. Даже если я буду звать.

Соня кивнула слишком быстро. Марина поняла, что дочь уже успела подумать о том же.

На лестнице пахло мокрой шерстью. На третьей ступеньке лежал деревянный клин, на шестой — крошечная лужица. Белая дверь на площадке была приоткрыта ровно на ширину ладони. За ней не виднелось ничего, кроме черноты.

Андрей коснулся двери обухом топора. Она подалась внутрь. Фонарь выхватил маленькую комнату с низким потолком, детскую кровать без матраса, стул у окна и ряд железных крючков на стене. На крючках висели пустые мешочки из серой ткани. Окно было заколочено изнутри; между досками намерзла белая бахрома.

— Здесь никого нет, — прошептал Андрей.

Марина увидела следы на полу. Они начинались у кровати, пересекали комнату и обрывались у порога. Маленькие босые ступни. Те же, что отпечатались на потолке внизу, только теперь вода в них была тёмной, с запахом застоявшегося колодца.

— Не заходи, — сказала она.

Но Андрей уже переступил порог. Доска под его ногой протяжно застонала. В тот же миг из-за их спин, с нижней ступеньки, донёсся детский голос:

— Папа, а почему ты её оставил?

Марина обернулась. Лестница была пуста. Из кухни доносился настоящий Мишин кашель.

Андрей стоял перед кроватью, глядя на спинку. В дереве были вырезаны короткие вертикальные зарубки. Марина сначала приняла их за отметки роста, но все они находились на одной высоте. Их было семь.

— Не трогай, — повторила она.

Он провёл пальцем по одной зарубке. На его лице проступило выражение, которого Марина никогда раньше не видела: не испуг, а мучительное узнавание.

— Я здесь спал, — сказал он. — Меня запирали на ночь. Мать говорила, что так будет лучше.

— Тебя запирали одного?

— Не всегда.

За стеной негромко постучали. Один раз, потом ещё два. Марина подняла фонарь. На стене возле кровати белела полоска штукатурки, отличавшаяся от остальной обшивки. Андрей прижал к ней ладонь, и стук повторился — прямо под его пальцами.

— Там пустота, — сказал он.

Марина схватила его за рукав. — Мы уходим.

Они успели сделать два шага, когда дверь медленно двинулась им навстречу. Не от сквозняка: на полу под ней лежал мокрый след, и он вытягивался, как будто кто-то невидимый тащил за собой ногу. Андрей вскинул топор и ударил обухом по краю двери. Дерево треснуло, движение прекратилось.

Снизу закричала Соня.

Они сбежали по лестнице. Девочка стояла возле печи, прижав к груди брата. Миша плакал беззвучно, широко открыв рот. На столе лежала жестяная коробка с зубами, хотя Марина оставила её на печи. Крышка была поднята. Внутри остался один зуб.

— Я не трогала, — сказала Соня. — Она сама упала. А потом кто-то под столом сказал, что нам осталось недолго.

— Каким голосом?

— Моим.

Андрей закрыл коробку и завернул в полотенце. Марина не стала спрашивать, куда делись два зуба. Она посадила детей на лавку и вслух установила правила: не расходиться, не отвечать на голоса из пустых комнат, не открывать дверь никому снаружи. Она не произнесла ни одного имени, пока говорила. Это получилось само собой.

К утру снег перестал идти. Сквозь занавешенное окно проступил серый свет. Марина задремала на несколько минут, сидя у печи, и проснулась от запаха хлеба. Кто-то резал буханку на кухонном столе.

Она открыла глаза. Андрей спал напротив. Соня и Миша лежали рядом, под одним одеялом. Нож на столе двигался сам — медленно, с усилием, будто его держала слабая старческая рука. Ломоть отделился и упал на доску.

Марина не закричала. Она протянула руку к ножу, но остановилась, когда увидела, что на свежем срезе хлеба проступают буквы. Они были не вырезаны, а вдавлены изнутри мякиша, словно хлеб испекли вокруг деревянной печати.

«НЕ ХОДИ К ВОДЕ С НИМ».

Нож упал на пол. Андрей проснулся от звона. Пока он поднимался, буквы уже исчезли, и перед ними лежал обычный ломоть хлеба.

Марина показала ему нож. — Ты говорил, что под снегом у колодца была рука. Чья?

Андрей посмотрел на детей. — Я не помню лица. Помню, что рука была маленькая. И что я держал её, пока мог.

— А потом?

— Потом мать велела отпустить.

Он произнёс это без выражения. И только когда слова прозвучали, у него затряслись губы.

Весь остаток утра Андрей молча заколачивал белую дверь досками, найденными в сарае. Марина наблюдала снизу. На последнем ударе молотка из-за двери раздался тихий вздох, будто кто-то наконец улёгся спать.

Соня стояла рядом с матерью и держала старую фотографию. Она поднесла снимок ближе к окну.

— Мам, — сказала она. — Посмотри на варежку.

Марина увидела красный шов на большом пальце. И рядом — вторую детскую руку, лежавшую на плече маленького Андрея. Раньше на фотографии этой руки не было.

Глава седьмая. Под снегом не вода

Марина долго смотрела на снимок, пока не заболели глаза. Рука на плече Андрея была отчётливой: четыре тонких пальца и большой, выглядывающий из-за воротника пальто. Тот, кто стоял рядом с мальчиком, не попал в кадр. Фотография обрывалась сразу за его плечом.

— Ты уверена, что раньше её не было? — спросил Андрей.

— Соня нашла снимок. Она его разглядывала.

— Я помню мальчика одного, — сказала Соня. — Я бы заметила.

Андрей хотел взять фотографию, но Марина убрала её в конверт. Не потому, что боялась нового изменения. Она боялась, что он снова скажет: «Наверное» — и на этом разговор закончится.

К полудню ветер утих. Снег лежал тяжёлыми пластами на крыше сарая. Дорога исчезла под сугробами, но воздух прояснился настолько, что между стволами можно было различить дальний просвет. Андрей предложил ещё раз проверить машину. Марина согласилась при условии, что дети останутся у окна и будут видеть их обоих.

Мотор не завёлся. Под капотом всё было на месте, аккумулятор ещё держал заряд, но из выхлопной трубы при каждой попытке пуска выходил не дым, а облачко белого пара с запахом сырой земли. Андрей вывернул свечи, вытер их и попробовал снова. Стартер кашлянул и замолчал.

— Здесь что-то не так с бензином, — сказал он.

Марина не стала спрашивать, может ли бензин пахнуть болотом. Она уже знала ответ.

Когда они вернулись, Соня ждала их с запиской, найденной на обороте схемы. Девочка подержала лист у печи, и под старым рисунком проступили бледные строки, прежде незаметные. Чернила потемнели от тепла.

«Колодец не открывать до первой капели. Пока вода спит, он помнит только голос. Когда проснётся, вспомнит лицо».

Ниже шла та же буква «Н».

— Кто такая Н? — спросила Соня.

— Возможно, кто-то из родственников, — ответил Андрей.

— А возможно, тот, кто хотел нас предупредить, — сказала Марина. — Или заманить. Мы пока не знаем.

Миша сидел на полу, строя из поленьев дом. Он поставил одно полено поперёк остальных, как крышу, а потом снял его и спрятал под лавку.

— Почему без крыши? — спросила Соня.

— Чтобы она видела, где он, — ответил мальчик.

— Кто?

— Та, которая не может войти.

Марина присела рядом. — А кто тогда ходит наверху?

Миша не ответил. Он вытащил спрятанное полено и положил на него ладонь. Его пальцы были холодными, несмотря на жар печи.

В тот день они не пошли к колодцу. Марина решила сначала осмотреть сарай и найти всё, что могло остаться от прежних хозяев: письма, бумаги, фотографии. Она не верила больше в возможность просто переждать бурю. Если дом умел говорить чужими голосами, значит, нужно было научиться отличать его слова от правды.

Сарай встретил их запахом старого сена и машинного масла. В углу стояли пустые бочки, на стене висела пила. За сложенными досками Марина нашла низкий сундук с железными уголками. Замок был сломан давно, но крышку прихватило сыростью. Андрей поддел её ломом.

Внутри лежали детские вещи, перевязанные бечёвкой: вязаные носки, выцветшая рубашка, два одинаковых шарфа. Под ними — школьная тетрадь в клетку. На обложке аккуратным почерком было написано: «Нина. Зимние записи».

Андрей замер. — Нина была сестрой матери, — сказал он. — Мне говорили, она уехала до моего рождения.

Марина открыла тетрадь. Первые страницы занимали списки продуктов и короткие заметки о погоде. Потом почерк становился нервнее, строки наклонялись к краю листа.

«Он опять разговаривал с дверью. Говорит, девочка просит воды. Не давать ему ходить к колодцу одному».

На следующем листе: «Мы думали, что она приходит снаружи. Но голоса начались раньше следов».

Марина прочла обе записи дважды. Дат на этих страницах не было. Она перевернула лист, и между страниц выпала полоска ткани с красным швом — обрезанный палец детской варежки.

— Это твоя? — спросила она.

Андрей не ответил. Он смотрел на тетрадь.

На последней заполненной странице было написано: «Если мальчик вспомнит, он назовёт её. Тогда она услышит. Нельзя говорить ему, кого он держал за руку».

Ни имени девочки, ни объяснения того, что случилось, там не было.

Из дома донёсся короткий удар — словно кто-то уронил тяжёлый табурет. Марина захлопнула тетрадь. Они бросились к крыльцу. Соня стояла в дверях, бледная, с фонарём в руке.

— Миша пропал, — сказала она. — Я только отвернулась за водой.

Марина ворвалась в кухню. На полу валялся табурет. Окно было закрыто, засов на входной двери не тронут. Под столом лежала деревянная фигурка — домик, который Миша складывал из поленьев. Одного полена не хватало.

— Где он мог спрятаться? — спросил Андрей.

— Я слышала, как он сказал: «Сейчас приду», — ответила Соня. — А потом снизу постучали. Я думала, это ты из подвала.

Подвала в доме не было.

Андрей опустился на колени и постучал по полу возле печи. Доски ответили глухо. У стены, где раньше стоял сундук с дровами, звук изменился: под полом явно была пустота. Он отодвинул сундук и обнаружил прямоугольный люк, почти незаметный под слоем краски. Железное кольцо было утоплено в древесину.

— Я никогда его не видел, — сказал он.

— Ты многого не видел, — ответила Марина, и сразу пожалела о резкости.

Андрей поднял люк. Внизу была неглубокая яма, выложенная камнем. От неё тянулся узкий лаз под фундаментом, куда взрослый не пролез бы. На влажной земле виднелись свежие следы маленьких коленей.

— Миша! — крикнула Марина, забыв обо всех правилах.

Из темноты ответил её собственный голос:

— Я здесь. Не волнуйся.

Марина зажала рот рукой. Соня отступила к двери. Андрей опустил фонарь в лаз. Луч осветил комья земли, корни и что-то белое в глубине. Белое шевельнулось.

— Не светите, — сказал Миша. На этот раз голос был его, тонкий и сердитый. — Ей больно.

— Сынок, ползи ко мне, — тихо попросила Марина.

В темноте зашуршало. Через минуту мальчик показался из лаза, перепачканный глиной. Он выбрался сам, без помощи, и сразу обнял мать. От его волос пахло колодезной водой.

— Зачем ты туда полез? — спросила она.

— Там плакали. Я хотел сказать, что мы скоро уедем.

— Кто плакал?

Миша посмотрел на Андрея, потом на тетрадь в руках матери.

— Девочка, которая помнит папу маленьким.

Андрей сел на пол. Его лицо стало серым.

— Она сказала, как её зовут? — спросил он.

Миша покачал головой. — Нет. Она сказала, что ты сам должен вспомнить.

Из-под открытого люка раздался стук. Три раза, с одинаковыми промежутками. Затем кто-то очень медленно провёл ногтем по камню.

Марина закрыла люк и поставила на него сундук. На этот раз она не стала говорить, что всё будет хорошо.

Поздно вечером, когда дети уснули, она снова открыла тетрадь Нины. Между двумя слипшимися страницами обнаружилась короткая запись, сделанная другим карандашом: «Не бойтесь той, что ходит по снегу. Бойтесь той, что научилась ждать под домом».

Марина закрыла тетрадь. За окном, у самой границы леса, стояла высокая женщина в тёмном платье. Она не приближалась. Казалось, она смотрела не на окна, а на фундамент.

И впервые Марине пришло в голову, что ведьма, возможно, не пытается войти в дом.

Возможно, она следит, чтобы из него никто не вышел.

Глава восьмая. То, что осталось в земле

Утром Марина обнаружила на кухонном полу мокрый круг. Не лужу: вода не растекалась по щелям, а лежала ровной окружностью вокруг железного кольца люка, будто кто-то обвёл его по линейке. Сундук с дровами стоял на месте. Вчера Андрей придвинул его к стене так плотно, что одному человеку было бы трудно сдвинуть. Теперь под его ножками темнели четыре влажных отпечатка.

Марина разбудила мужа и показала ему пол. Он присел, потрогал воду кончиками пальцев и поднёс руку к носу.

— Железом пахнет, — сказал он.

— Колодцем?

— Не знаю.

Она уже ненавидела эти слова. За три дня они произносили их чаще, чем имена детей.

Соня вошла на кухню в отцовской шерстяной кофте. За ней шёл Миша. Он остановился на пороге, увидел круг и попятился.

— Не наступай, — быстро сказал он сестре.

— Почему?

— Она думает, что это дверь.

Андрей резко повернулся к сыну.

— Кто думает?

Миша поджал губы. Ночью он плакал во сне, а утром отказывался вспоминать, что видел под домом. Марина присела перед ним.

— Ты можешь сказать мне. Я не стану ругаться.

— Там темно. Но она не темноты боится.

— А чего?

— Когда её называют не тем именем.

Он обошёл мокрый круг вдоль стены и сел к столу. Разговор на этом кончился: мальчик смотрел в тарелку с кашей так сосредоточенно, словно пытался увидеть на дне что-то другое.

После завтрака Андрей вынес из сарая два длинных гвоздя и молоток. Он собирался забить люк наглухо. Марина наблюдала, как он примеряет гвоздь к доске, и вдруг спросила:

— А если Миша опять услышит голос? Если он попытается открыть его ночью?

— Не откроет.

— Ты не ответил.

Андрей выпрямился. За окном снег шёл редкими крупными хлопьями. Между елями ничего не двигалось.

— Я не знаю, что делать, — сказал он так тихо, что Соня, стоявшая в дверях, не услышала.

Марина взяла молоток из его руки. Гвозди они всё-таки забили — по одному в каждую сторону люка. Сундук вернули на место. После этого Андрей вытер ладони о брюки, хотя на них не было грязи.

Днём Соня попросила показать ей тетрадь Нины. Марина сначала отказалась: записи были путаные, а некоторые страницы — исписаны так мелко, что приходилось угадывать буквы. Но дочь не отступала.

— Вы всё равно обсуждаете это при нас, — сказала она. — Только когда думаете, что мы спим.

Они сели у окна. В тетради обнаружились два разных почерка. Один — прямой, аккуратный, с широкими полями. Второй — торопливый, наклонённый влево. На страницах с аккуратными строками стояли даты; в торопливых записях их почти не было.

Соня положила рядом фотографию, найденную раньше. На ней маленький Андрей стоял у колодца, а возле его плеча проступала чужая детская рука.

— Смотри, — сказала Соня. — На рукаве у него такой же шов.

Марина прищурилась. У локтя мальчика тянулась тонкая тёмная полоска. Та же красная нить, что на обрезанном пальце варежки, выпавшем из тетради.

— Может, это просто одежда.

— А может, это его варежка. И рука рядом — не чужая.

Марина хотела возразить, но не нашла слов. На фотографии было видно только плечо второго ребёнка; его лицо уходило за край кадра. Кто-то намеренно обрезал снимок, причём не ножницами: край был неровным, как после разрыва.

Соня листала тетрадь дальше и остановилась на странице, где две записи были перечёркнуты густой сеткой. Под ней ещё можно было разобрать: «Колодец закрыли после первого снега». Следующая строка читалась хуже: «Не открывать, пока не…» Последнее слово исчезло под карандашом.

— Здесь не хватает листа, — сказала Соня.

У корешка торчала узкая полоска бумаги. Её вырвали недавно или давно — по пожелтевшему краю нельзя было понять.

К вечеру стало холоднее. Андрей проверил генератор и обнаружил, что топлива осталось меньше, чем он рассчитывал. Канистра, которую он привёз с собой, стояла закрытой, но оказалась почти пустой. Он долго рассматривал крышку, словно надеялся найти следы чужих пальцев.

Когда стемнело, Миша попросил поставить у его кровати миску с водой.

— Зачем? — спросила Марина.

— Чтобы она не ходила на кухню.

— Кто?

— Девочка.

Марина не принесла миску. Вместо этого она уложила сына рядом с Соней и оставила дверь в комнату открытой. Андрей дежурил у печи, пока остальные пытались уснуть.

Ночью Марина проснулась от звука капель. Они падали медленно, с одинаковым промежутком. Она встала, прошла в кухню и увидела, что мокрый круг исчез. Пол был сухой. Зато на стене над печью, там, где не проходило ни одной трубы, проступала тёмная полоска воды. Она тянулась вверх, к потолку.

Марина подняла свечу. На штукатурке появлялись новые капли. Они не стекали вниз, а поднимались, собираясь в очертание маленькой ладони.

За её спиной скрипнула половица.

— Не трогай, — сказал Андрей.

Он стоял босиком в дверях. Марина обернулась к нему, и в ту же секунду на стене раздался короткий сухой стук. Потом второй. Потом третий.

Из детской ответили тремя такими же ударами.

Они бросились туда вместе. Соня сидела на кровати, обхватив колени. Миша спал, прижавшись щекой к подушке.

— Это не мы, — прошептала Соня прежде, чем родители успели спросить. — Стучали из шкафа.

Андрей открыл шкаф. За пальто и сложенными одеялами была обычная дощатая стена. Только внизу, у плинтуса, лежал мокрый обрезок красной нитки.

Марина не стала поднимать его голыми руками. Она взяла бумагу из тетради Нины и завернула находку. В эту ночь они больше не спали.

Перед рассветом Миша открыл глаза и спросил, почему все сидят возле его кровати.

— Потому что мы тебя любим, — ответила Марина.

Мальчик задумался.
— А она говорит, что её тоже любили, — произнёс он. — Пока не стало холодно.

Глава девятая. Чужая колыбельная

На четвёртое утро после того, как они перестали считать дни по календарю, Андрей решил идти к дороге пешком. Машина по-прежнему не заводилась. Снег за ночь уплотнился, ветер ослаб, и на несколько часов лес стал похож на обычный зимний лес: ровные стволы, синие тени, следы птиц на насте.

Марина не хотела отпускать его одного.

— Тогда пойдём все, — предложил Андрей.

Она посмотрела на Мишу. Мальчик едва держался на ногах после бессонной ночи. До дороги было слишком далеко, а возвращаться в темноте она не собиралась.

— Ты дойдёшь до поворота и вернёшься, — сказала она. — Посмотришь, насколько занесло. Не дальше.

Андрей кивнул. Он взял фонарь, термос и моток верёвки. Последнее показалось Марине бессмысленным, но она промолчала. Перед выходом он долго стоял на крыльце, глядя на лес. Снежная просека уходила между елями ровной белой полосой.

— Если услышишь меня снаружи, — сказал он, не оборачиваясь, — сначала посмотри в окно.

— Андрей.

— Обещай.

— Обещаю.

Он ушёл. Марина смотрела, пока его тёмная фигура не растворилась среди деревьев.

В доме стало необычайно тихо. Соня сидела у стола и переписывала даты из тетради Нины на отдельный лист. Она сама придумала это занятие, чтобы понять, какие записи относятся к детству отца. Миша играл возле печи деревянными брусками, но больше не строил из них дом. Он выкладывал длинную линию, затем осторожно отодвигал один брусок в сторону.

— Что это? — спросила Марина.

— Люди, — сказал он. — А этот потерялся.

— Почему?

— Его не посчитали.

Марина опустилась на стул. Соня подняла голову, но ничего не сказала.

Около полудня в дверь постучали. Три раза, спокойно, без спешки. Марина встала так резко, что стул опрокинулся. За дверью раздался голос Андрея:

— Марин, открой. Я замёрз.

Она подошла к окну. Крыльцо было пустым. На снегу не было свежих следов.

— Я знаю, что ты слышишь, — произнёс голос. — Открой, пожалуйста.

Соня взяла Мишу за руку и отвела к печи. Марина не отвечала. Голос за дверью некоторое время молчал, а затем спросил уже совсем иначе — высоким, надломленным детским шёпотом:

— Почему его впустили, а меня нет?

Марина отступила от двери. Звук шагов не последовал. Только по деревянной обшивке кто-то провёл чем-то мягким, будто мокрой ладонью.

Через час Андрей вернулся по-настоящему. Марина увидела его из окна ещё у колодца: он шёл тяжело, спотыкаясь, и оставлял за собой глубокие следы. На крыльце он остановился и поднял руки, показывая фонарь и термос, как человек, которого проверяют на границе.

— Назови день рождения Сони, — потребовала Марина через дверь.

Он ответил сразу. Она задала ещё два вопроса, ответы на которые знал только он. Лишь после этого открыла.

— Что случилось? — спросил Андрей, увидев её лицо.

— Ты уже приходил.

Он не стал смеяться. Снял шапку и прислонился к стене.

— До поворота я не дошёл, — сказал он. — На дороге кто-то шёл впереди меня. Я видел следы. Они были мои.

— Может, ты прошёл там раньше?

— Следы начинались за двадцать метров от меня. И каждый раз, когда я останавливался, следующие отпечатки обрывались тоже.

Он рассказал, как пытался свернуть с дороги, чтобы проверить, куда ведёт цепочка. В лесу между деревьями стояла высокая женщина. Лицо её было скрыто волосами, но одна рука была вытянута в сторону просеки. Она не шла к нему и не угрожала. Просто указывала назад.

— Я подумал, что она не хочет меня отпускать, — сказал Андрей. — Потом увидел, что следы впереди продолжаются, хотя я стою на месте. И вернулся.

Соня положила на стол лист с датами.

— Здесь странное, — сказала она. — Нина писала про первый снег, а потом про весну. Между ними нет ничего. Будто зима вообще не кончилась.

Андрей взглянул на лист и побледнел. Он попросил показать тетрадь. Марина открыла страницу с записью о мальчике, которому нельзя вспоминать имя девочки. Андрей долго смотрел на строки, затем провёл пальцем по бумаге.

— Я помню песню, — сказал он.

— Какую?

— Мама пела, когда я болел. Я думал, она её придумала.

Он тихо напел несколько нот, не произнося слов. Миша сразу поднял голову.

— Не надо, — попросил он.

Андрей замолчал.

— Откуда ты её знаешь? — спросила Марина сына.

— Она поёт снизу. Только слова другие.

— Какие слова?

Миша покачал головой и спрятал лицо в рукав.

После обеда Марина нашла в кухонном ящике старую коробку из-под пуговиц. На дне лежал ключ с круглой головкой, обмотанный красной ниткой. Раньше она перебирала этот ящик дважды и ключа не видела. Теперь он лежал поверх всего, словно его оставили специально.

Она показала находку Андрею. Тот взял ключ и сразу узнал его.

— От комода в маминой комнате, — сказал он. — Я в детстве пытался его открыть.

— Ты говорил, что почти ничего не помнишь о доме.

— Я и не помнил. До этой минуты.

В спальне, где они устроились с Мариной, стоял низкий тяжёлый комод. Его верхний ящик открывался без усилия, два нижних были пусты. Замочная скважина находилась сбоку, почти у самой стены. Андрей отодвинул мебель. Ключ подошёл.

За тонкой деревянной перегородкой обнаружился плоский тайник. В нём лежали две детские фотографии, конверт без марки и маленький медный колокольчик с обломанным язычком.

На первой фотографии Андрей стоял перед домом в тёплой шапке. Рядом была девочка примерно его возраста, в варежках с красным швом. Лицо девочки было чётким. У неё были светлые волосы и широко расставленные глаза. Марина никогда прежде её не видела.

На обороте снимка стояла дата, а ниже — два имени. Первое было «Андрюша». Второе кто-то стёр так тщательно, что бумага протёрлась насквозь.

В конверте лежал сложенный вчетверо лист. Почерк был аккуратным, тем самым, что встречался в тетради Нины.

«Если он вернётся сюда взрослым, не давайте ему слышать колыбельную до конца. Имя — последнее, что у неё осталось. Не пытайтесь вернуть его силой. И не верьте тому, кто скажет, что девочка умерла в колодце».

Марина прочла записку вслух. Андрей стоял у окна и смотрел на пустую просеку.

— Значит, она жива? — спросила Соня.

— Я не знаю, — ответила Марина.

Снизу, из-под кухонного пола, донёсся едва слышный звон. Один раз. Потом второй.

Андрей посмотрел на колокольчик в своей руке. У него не было язычка, но медь дрожала между пальцами.

Из-под дома раздалась колыбельная. Теперь её слышали все четверо. Мелодия была той же, что напевал Андрей, но слова не походили на человеческую речь: голос тянул гласные слишком долго, словно ему приходилось учиться дышать заново.

Миша заплакал. Соня закрыла ему уши ладонями. Марина сжала записку, чувствуя, как бумага режет кожу.

А за окном, на границе леса, стояла ведьма. Впервые она подняла голову. И Марина увидела, что старуха смотрит не на них.

Она смотрит на колокольчик.

Глава десятая. Колокольчик без голоса

Вечером Андрей завернул колокольчик в кухонное полотенце и убрал на верхнюю полку буфета. Медная чашечка больше не дрожала, но Марина ещё долго слышала её звон. Он оставался где-то за ушами, тонкий и неприятный, как писк после слишком громкого звука.

— Не надо было доставать его, — сказал Миша.

Мальчик сидел на лавке, прижав колени к груди. Соня попыталась укрыть его одеялом, но он отодвинул её руку.

— Почему? — спросила Марина.

— Теперь она знает, где мы.

— Кто именно?

Миша посмотрел на окно. За стеклом медленно оседал снег. Ведьмы у леса уже не было.

— Та, которая не может войти, — сказал он. — И та, которая уже вошла.

Андрей резко закрыл дверцу буфета. От удара вздрогнули тарелки.

— Хватит. Мы не будем расспрашивать ребёнка, пока он напуган.

— Он сам говорит, — возразила Соня. — А ты каждый раз заставляешь его молчать.

Марина ждала, что муж ответит. Но Андрей лишь достал фонарь и пошёл проверять ставни. Он двигался медленно, останавливаясь у каждого окна, словно боялся увидеть снаружи нечто знакомое.

Ночью они договорились спать в одной комнате. Андрей положил возле двери топор, который обычно держал у печки. Марина хотела возразить, но промолчала. Детям постелили на полу; Миша уснул сразу, Соня ещё долго шуршала страницами тетради Нины.

Когда дом затих, Марина заметила светлую полоску под дверью. В коридоре никто не оставлял лампу. Генератор давно заглох, и единственным источником света была печь в соседней комнате. Но полоска лежала ровно, как от электрической лампочки.

Марина поднялась, стараясь не разбудить остальных. У порога она услышала слабое дыхание. Оно было частым, детским.

— Соня? — прошептала она и сразу поняла, что дочь спит за её спиной.

Из коридора ответили тем же шёпотом:

— Не называй её.

Марина схватилась за ручку, но не повернула. Свет под дверью погас. В темноте кто-то провёл ногтем по дереву — сверху вниз, один раз, оставив тонкую длинную царапину.

Утром царапина оказалась на внутренней стороне двери.

Андрей осмотрел её при дневном свете. Дерево было свежее, светлое, без пыли. Он провёл пальцем по бороздке и сказал, что это мог сделать гвоздь, когда они переносили кровать.

— Мы не переносили кровать, — ответила Марина.

— Тогда я не знаю.

Он говорил устало, и именно это испугало её сильнее попытки объяснить невозможное. За последние дни Андрей перестал спорить с тем, что видел. Он только старался как можно скорее перевести разговор на дрова, еду и дорогу.

За завтраком Соня развернула найденную фотографию. На ней Андрей и незнакомая девочка стояли так близко, что рука девочки исчезала за его спиной.

— Папа, вы были друзьями?

— Наверное.

— Ты помнишь, как её звали?

Он отрицательно покачал головой.

— А если она твоя сестра?

Андрей поднял глаза. В комнате стало тихо.

— У меня не было сестры.

— Откуда ты знаешь, если ничего не помнишь?

Он отодвинул тарелку и вышел. Через минуту снаружи стукнула дверь сарая.

Марина хотела сделать Соне замечание, но не нашла слов. Дочь задала вопрос, который сама Марина боялась произнести.

После обеда она снова открыла тетрадь Нины. Лист перед вырванной страницей был испещрён мелкими вдавленными линиями. Марина положила под него чистую бумагу и осторожно провела боковой стороной карандашного грифеля. На листе проступили обрывки слов: «не звони», «порог», «отдаёт голос». Последнюю строчку удалось разобрать почти целиком: «Кто услышит своё имя из-под пола, должен молчать до рассвета».

Она перечитала предупреждение трижды. Потом сложила лист и спрятала в карман, чтобы дети не увидели.

Вечером, когда Андрей принёс дрова, Марина показала ему запись. Он прочёл её, не меняясь в лице, и попросил не говорить об этом при Мише.

— Ты знаешь больше, чем рассказываешь, — сказала она.

— Я начинаю кое-что вспоминать. Это не одно и то же.

— Что именно?

Он долго смотрел на огонь в печи.

— В детстве я боялся звона. Мама вешала колокольчик над моей кроватью, а когда я просил снять, говорила, что он не для меня. Однажды я проснулся, и его не было. Зато в доме плакала девочка. Я пошёл искать её, а мама схватила меня за плечи так сильно, что остались синяки.

— И что потом?

— Потом я заболел. Или мне сказали, что заболел. Больше ничего.

Марина протянула руку, но он отстранился.

За стеной что-то тихо ударилось о пол. Один раз. Затем ещё два. Звук шёл сверху, из буфета, где лежал колокольчик.

Андрей медленно поднялся. Он снял полотенце с полки. Медь была неподвижна, обломанный язычок не мог издать ни звука.

И всё же из чашечки донёсся детский шёпот:

— Андрюша, ты обещал вернуться.

Он разжал пальцы. Колокольчик упал на пол, но не звякнул.

Под половицами кто-то ответил голосом Андрея — детским, тонким, полным облегчения:

— Я вернулся.

Глава одиннадцатая. Не отвечай

Никто не двинулся. Даже Миша, обычно первым бросавшийся к любому звуку, остался на лавке и смотрел на щель между досками.

Марина взяла детей за руки. Андрей стоял над упавшим колокольчиком. Его губы были раскрыты, но он не произносил ни слова.

Из-под пола послышалось шуршание, будто там медленно перебирали сухую солому. Потом голос повторил:

— Я вернулся.

Соня шагнула к отцу. Марина удержала её.

— Наверх, — прошептала она. — Оба. Сейчас.

Дочь не стала спорить. Она повела Мишу к лестнице, но на первой ступени мальчик остановился и посмотрел на Андрея.

— Не отвечай, папа.

Андрей закрыл рот.

Марина дождалась, пока дети поднимутся, и только тогда осторожно присела. Колокольчик лежал у ножки стола. Она подняла его через полотенце, стараясь не коснуться металла. Чашечка была холодной, как предмет, только что принесённый с улицы.

— Мы должны уйти, — сказала она мужу.

— Дорога занесена.

— Тогда пешком. Днём. Пока есть свет.

— Миша не пройдёт сорок километров по сугробам.

— А здесь он долго протянет?

Андрей ничего не ответил. За его спиной печь треснула, и оба вздрогнули.

До рассвета оставалось несколько часов. Марина заперла кухню, хотя понимала бессмысленность замка, и поднялась к детям. Соня сидела на постели, сжимая тетрадь. Миша уснул, уткнувшись лицом в подушку.

— Я слышала, — сказала Соня. — Там был папа. Только маленький.

— Это был голос. Не человек.

— Ты не знаешь.

— Не знаю, — согласилась Марина. — Поэтому мы не будем с ним разговаривать.

Соня открыла тетрадь на странице с вырванным листом. Она заметила следы карандаша на пальцах матери и сразу поняла, что та что-то нашла.

— Ты скрываешь от нас правила?

Марина села рядом. Ей захотелось солгать, сказать, что ничего важного там нет. Но после всех странных событий дочь имела право знать хотя бы то, что могло её защитить.

Она показала лист с проступившей надписью.

— Если кто-нибудь позовёт тебя по имени из-под пола, не отвечай до утра. Даже если услышишь меня или папу.

— А если позовут Мишу?

— Ты тоже молчишь. И держишься рядом с ним.

Соня кивнула. В её взгляде было больше взрослого понимания, чем Марина хотела бы видеть.

Внизу скрипнула дверь. Андрей ходил по дому, проверяя окна. Марина слышала его шаги: тяжёлые, неровные, с короткой остановкой возле кухни. Потом они затихли.

Час спустя раздался тихий стук в стену у изголовья. Марина не сразу поняла, что звук идёт не из соседней комнаты. Кто-то стучал снаружи, со стороны двора, где под окном второго этажа не было ни крыльца, ни дерева.

Три удара. Пауза. Ещё три.

Она осторожно приподняла край занавески. В стекле отражались кровать и слабый огонёк свечи. За окном лежала непроглядная ночь. Потом из темноты медленно выступило лицо.

Женщина висела напротив окна, не опираясь ни на что. Волосы, покрытые инеем, тянулись вниз, за край рамы. Лица почти не было видно: только впалые щёки и узкая полоска рта.

Марина отшатнулась. Женщина подняла руку и прижала ладонь к стеклу. На ладони краснел длинный шов, будто кожу когда-то разрезали и грубо стянули ниткой.

Соня проснулась от движения матери.

— Она там?

Марина кивнула, не в силах заговорить.

— Что ей нужно?

Вместо ответа за окном прозвучал хриплый голос. Он был похож на шелест ветвей, трущихся друг о друга:

— Не слушайте дом.

Марина замерла. Ведьма медленно повернула голову к лесу. Там, между деревьями, вспыхнул и погас маленький жёлтый огонёк. Затем ещё один, ближе к просеке.

— Что ты хочешь? — вырвалось у Марины.

Женщина дёрнулась, словно от удара. Её ладонь соскользнула со стекла. В следующую секунду за окном никого не было.

Снизу раздался грохот. Андрей закричал — коротко, не от боли, а от неожиданности.

Марина бросилась к двери. На лестнице пахло сырой землёй. Она сбежала вниз и увидела мужа у кухонного порога. Он держал фонарь, направив луч на пол. Люк, который они прежде закрыли, теперь стоял открытым. Из темноты поднимался тёплый пар.

— Я не трогал его, — сказал Андрей.

Снизу донёсся голос Марины:

— Андрей, помоги мне. Я упала.

Она стояла рядом с мужем. Он смотрел на неё, и она видела, как ему хочется ответить.

— Смотри на меня, — сказала Марина. — Только на меня.

Под полом раздался её собственный плач. Он был таким правдоподобным, что у неё сжалось горло.

Андрей сделал шаг назад.

Из отверстия медленно выползла красная нитка. Она тянулась по полу, оставляя на досках мокрую полосу, и остановилась у носка его ботинка.

— Это не из колодца, — произнёс он едва слышно.

— Откуда ты знаешь?

Он смотрел на нитку так, будто узнал её.

— Потому что я уже видел, как она выходит из-под дома. Когда был маленьким.

Нитка дёрнулась. Внизу, там, где не должно было быть ни света, ни пространства для человеческого лица, открылись два глаза.

Они смотрели прямо на Марину.

И её голос из темноты спокойно сказал:

— А теперь пусть он расскажет, что сделал с девочкой.

Глава двенадцатая. Имя под полом

— Не отвечай, — сказала Марина.

Андрей и без того молчал. Он смотрел на два глаза в чёрном прямоугольнике люка, и Марина впервые увидела на его лице не страх, а узнавание. Будто он стоял не в кухне, где ещё вчера они пытались разжечь отсыревшую плиту, а перед дверью комнаты, в которую когда-то пообещал больше не входить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.